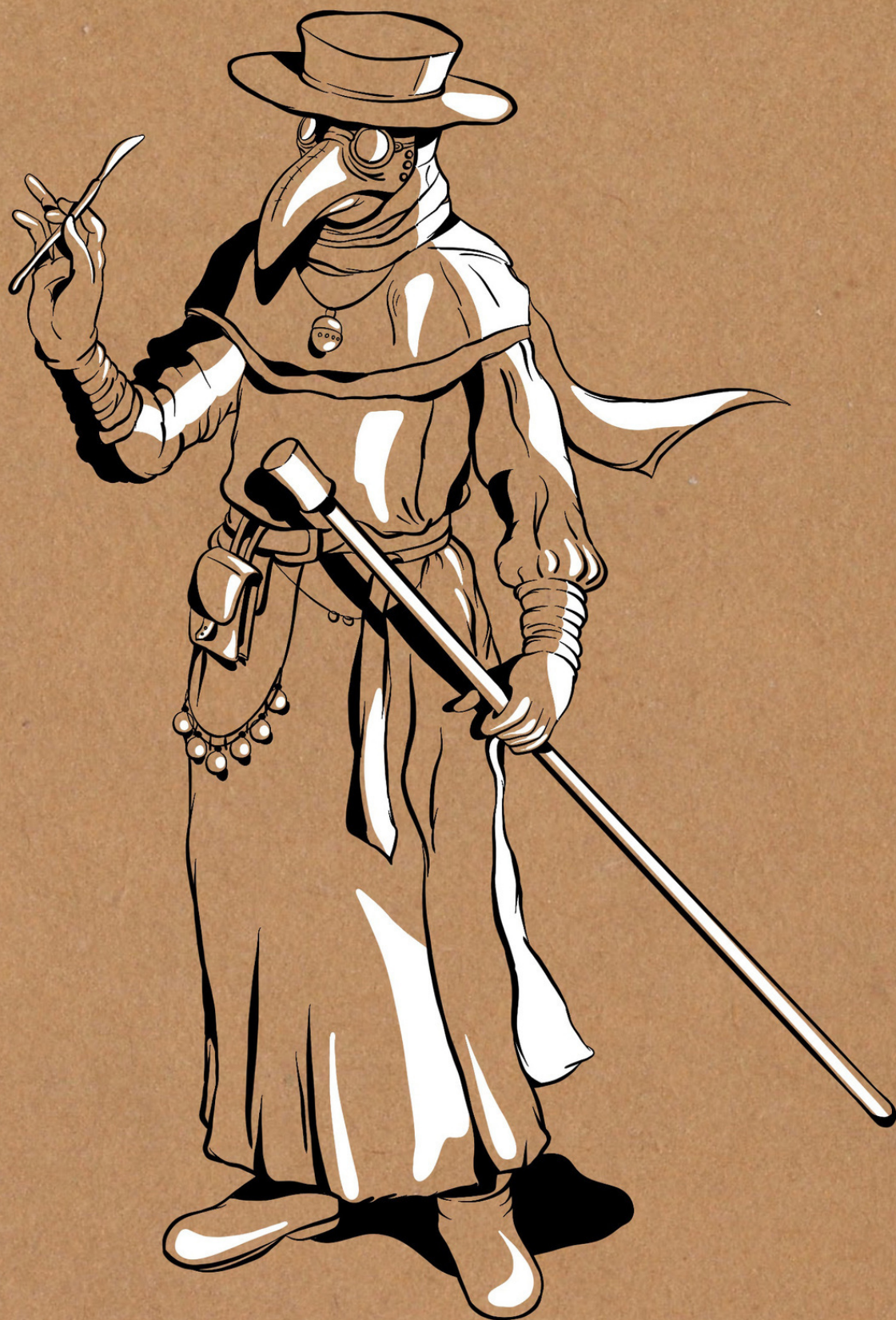

Татяна Соломатина

ПРОЕКТ «ПЛАТОН»

Татьяна Соломатина

Проект «Платон»

«Автор»

2018

Соломатина Т. Ю.

Проект «Платон» / Т. Ю. Соломатина — «Автор», 2018

Талантливый нейробиолог Иван Ефремов получает предложение возглавить одну из лабораторий секретного проекта «Платон». И оказывается втянут в расследование преступления. Убит главный врач модной и весьма успешной психоневрологической клиники. На помощь Ивану приходит его друг Антон Свитальский. Внезапно в расследование вмешивается Елена Вересаева, молодая, красивая женщина, нейрохирург и... пациент клиники покойного. Иван и представить себе не может, чем на самом деле занимается проект «Платон», любимое детище его обожаемого учителя Ильи Николаевича Виддера.

© Соломатина Т. Ю., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава первая	8
Глава вторая	17
Глава третья	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Соломатина

Проект «Платон». Начало

* * *

«Чем барная стойка второразрядного заведения на окраине могла привлечь в этот час импозантного красавца за пятьдесят, от которого так и разило деньгами? Деньгами крепкими. Очевидно, сделанными не из воздуха и плутовства, а из знаний и ремесла. Как-то не вписывается», – развлекал себя на другом конце той же барной стойки досужим наблюдением Антон Свитальский. Который как раз вписывался. И стороннему наблюдателю, обрати тот на него внимание, мог показаться обыкновенным провинциалом в поиске места под столичным солнцем. Впрочем, Антон везде вписывался. Где хотел.

«Хотя, явно торговец. Но не услугами и товарами, а чем-то очевидно более значимым. Что в современном мире может быть значимее услуг и товаров? Как и прежде, как и всегда – надежда и помощь. Или надежда на помощь. Без фальши. Это чувствуется. За этим витязем прекрасным тремя богатырями стоят правда, надёжность и тайна. И аромат тайны тоньше запаха денег. Ну да! Аромату и положено быть тоньше запаха»

Что занесло сюда Свитальского – тому самому стороннему наблюдателю было бы очевидно: выпить-закусить. Недорого, зато вроде как не совсем уж и в забегаловке. Но как здесь оказался подобный господин? Ностальгия по далёкой голодной юности? Проблемы самоидентификации? Это вряд ли! С чего бы тогда тот подмигнул своему стакану с безмятежным кокетством заслуженного самолюбования. Ждёт кого-то? Здесь?!

«Скорее чего-то, – мысленно оппонировал Антон гипотетическому стороннему наблюдателю. – И не здесь. И не сейчас. Очевидно, Господину Торговцу навстречу из пункта “Б” выдвинулось что-то. И он смакует предвкушение, намеренно задерживаясь в пункте “А”. Банально. Но, как всегда, красиво».

Мужчина, довольно улыбнувшись собственному отражению в зеркальной стойке, положил на блюдце пятитысячную купюру и, не думая дожидаться сдачи, вышел на улицу. Антон машинально обернулся понаблюдать, благо витринное стекло во всю стену позволяло.

Оказавшись снаружи, господин не торопился уходить. Расслабленно огляделся по сторонам. Вот взгляд его сфокусировался на объекте, стал пристальным. Похоже, он всё-таки кого-то ждал.

«Да ну ладно! Не может быть!»

Свитальский обладал невероятным чутьём. То, что люди, испорченные необходимостью всё облекать в вербальные формулировки или визуальные образы, а на нынешнем этапе регресса человечества – и те и те одновременно, – Антон воспринимал иначе. Он просто знал. И если он знал, что Господин Торговец никого не ждал здесь – тот здесь никого и не мог ждать.

«Или я, или эмир или ишак! Нет. Что-то здесь не так. Лукавство – инструмент знания, но никак не мотив! Или здесь сейчас случайно происходит неслучайная встреча, или...»

Встреча, вероятно, с весьма близко знакомым человеком. Этого человека Антон не видел – поле зрения ограничивала дверь – плод совместного бреда прижимистых хозяев и недодизайнеров, коих развелось в последнее время, как галок на проводах после дождя. Что подвигло их вклеить это глухое и дешёвое полотно посреди стекла? Угроза безопасности – как дамоклов меч реальности? Но реальности на свете, где базовой константой является восприятие – меньше, чем кажется. И на кой тогда все эти псевдоизыски концептов посреди философий, если всего-то и нужно продать бухло жителям окраины. Жителям, в основном, временным. Квартиросъёмщикам, мечтающим покорить что-то ближе к центру или хотя бы что-то. Что-то своё. Настоящие местные знают, что бухать дома, без ресторанной наценки – единственно верный концепт, равно и философия. Впрочем, ни сам Антон, ни, тем более, холёный Господин Торговец, только что покинувший заведение, – не соответствовали портрету потребителя услуг местной наливайки, анонсирующей себя, ни много ни мало, ирландским пабом. Ирландский паб за Третьим Кольцом! Far far away! А вот молодые люди, громогласно обсуждающие собственника кинокомпании, на которого они так утомительно вкалывают, сделав за день несколько звонков и внеся правки в пару-тройку бумажек, те – да, соответствовали. Кто-то, как Антон или этот импозантный господин приходят в такие заведения, чтобы остаться в одиночестве. Эти молодые люди – как раз за тем, чтобы его избежать. Как списанные роботы из фантастики Азимова, жмущиеся друг к другу в темноте контейнера. Вместе не так остро переживается персональная ненужность. Отсюда и соцсети. Того же ряда явление. Ты не один! Нас таких много! Вместе мы – сила! Сила поддержать друг друга в нашей ненужности, невостребованности и системной нереализованности. Обнимемся, чурбаны без начинки! Протяни мне свою устаревшую схему, товарищ!

Как сбиваются в группы пустышки, так и уникум узнает уникума, всего лишь оказавшись рядом. Но в отличие от конвейерной штамповки, уникальные экземпляры не стремятся к сближению.

«Или здесь сейчас *случайно* происходит *неслучайная* встреча, что вряд ли, ибо провидение, чем бы оно ни было, не лукавит, или... Господин Торговец – безупречный манипулятор. Что, как известно, подразумевает только одно... Ну да: не испугался и не удивился встрече, – продолжил наблюдения Антон, прервав поток ощущений. – Но и радости не проявил. Очевидной – да, не проявил. Но что-то неуловимое. Там – на уровне аромата тайны – смешанное одновременно с неловкостью. Будто ты случайно раньше положенного узнал, что тебе положат под елку. Странно. Господин Торговец явно не из тех, гомонящих: “доведут они меня до афобазола!”, “в сутках всего двадцать четыре часа, а у меня всего лишь две руки!”, “по райдеру у меня уже обед!” Этот отменит обед, если он мешает делу. А довести его до антидепрессантов невозможно, потому что он точно знает отличие лени от депрессии. И для него исключены неожиданности, потому что он немедленно прокладывает новый нейронный путь – и любая неожиданность для него не более, чем камешек в ботинке. Снял, вытряхнул, пошёл дальше».

Мужчина остановился, приветливо улыбнулся объекту неожиданной встречи, и, подавшись вперёд, широко развёл руки в душевном жесте «кого я вижу!» Внезапно по его лицу пробежало лёгкое беспокойство, он сделал несколько аккуратных шагов, приветственный жест сменился упреждающим. Судя по мимике – он увещевал. Как добрый дядюшка увещевает расшалившуюся племянницу. Антон как раз подумывал, не выйти ли на улицу покурить, заодно и рассмотреть что да как, из чистого любопытства. Но внезапно импозантный мужчина упал.

Свитальский вернулся к стакану.

Пусть кто-то другой первым выйдет из бара и обнаружит тело. Кто-то из тех, кто потерял последний драфт чужого сценария, так и не написав своего. Кто-то из тех, кто вовремя не согласовал графики и не отнёс на подпись договоры. Кто-то из тех, кто арендовал дорогосто-

ящее оборудование и угробил его. Кто-то из них, из кричащих сейчас за соседними столами о том, что они не чувствуют выходных. Пусть и в их социальной сети будет праздник. Возможно, они даже успеют сделать селфи с телом до приезда полиции.

В том, что импозантный холёный мужчина за пятьдесят, определённый Свитальским как Господин Торговец, стал телом, – Антон ни секунды не сомневался. Он прекрасно знал, как падают люди, схватившие обширный инфаркт, а как – поймавшие крохотную пулю. Выстрела не было слышно, но мужчина очень характерно осел на тротуар. От неожиданности. Пока не от боли. Возможно, её он не успел почувствовать. Пока импульс от рецепторов околосердечной сумки дойдёт до соответствующих «диспетчерских» мозга – отдавать распоряжения будет некому. Выстрел – это всегда неожиданность. Та неожиданность, с которой даже самый великолепный манипулятор уже ничего не может поделать. Пуля – не камешек. Её не вытряхнешь. Даже если сознание ожидает нечто подобное – для тела это всегда чертовски неожиданный опыт! Зачастую последний.

Не в привычках и не в интересах Антона Свитальского было находиться рядом с местом преступления. И, тем более, обнаруживать тело. Решив, что купюры покойного с лихвой хватит за выпивку обоих, включая чаевые, Антон пошёл искать туалет, нечаянно забрёл в служебные помещения, и растворился через чёрный ход.

Что-что, а растворяться Свитальский умел.

Глава первая

Расположившись на сходнях Бережковской Набережной, Иван Ефремов размышлял как ему дальше жить.

Нет, в жизни Ивана всё было и есть хорошо. Если не сказать прекрасно. Но разве это помеха размышлению о том, как жить дальше? Даже если в неполные тридцать ты не просто Иван, а уже вполне Иван Алексеевич. Потому что доктор наук. Да-да, доктор медицинских наук, Иван Алексеевич Ефремов.

Иван Алексеевич вытянул ноги: не разуться ли? Не помочить ли ножки? Темно, тепло, и нет никого. Только машины проносятся. И редкие велосипедисты. Никому нет дела до того, обутый ты сидишь в темноте на сходнях или босой. Даже если сидящий там – доктор медицинских наук. Но! – не в Москва-реке, нет. Ещё кожа облезет. И вообще, несолидно, если ты заведешь кафедрой... Стоп!

Иван вскочил, запустив пальцы в волосы.

– Чёрт! Я же согласился!

– И не просто согласился – впереди паровоза бежал! А теперь чертыхаешься? Где логика?

Иван даже не вздрогнул. И не удивился. Настолько он привык к неожиданным появлениям своего задушевного друга, которого считал братом. Угадать когда и откуда появится Антон, было невозможно. Впрочем, как и напугать Ивана сим явлением. Они были знакомы с раннего детства, и, пожалуй, не помнили себя один без другого.

– Конечно, бежал! Давно приехал?

Антон пожал плечами. То ли не зная, что ответить, то ли не считая нужным отвечать на всякие глупости. Впрочем, Иван и не ждал ответа.

– Это же Илья Николаевич! Его Светлость, чёрт его дери, Виддер! Как я мог не согласиться?! Даже не зная, что это за проект такой! «Платон»! Вот тоже ещё названьице!

Иван беспомощно улыбнулся и развёл руками. Антон посмотрел на друга со скепсисом и иронией. Он чаще всего именно так смотрел на Ивана: с оберегающим скепсисом и спасительной иронией. Иван всегда был слишком восторжен, до степени: эйфоричен. Он как дитя видел этот мир как бездну удивительных возможностей. Не боясь в неё упасть, полагая, что это совершенно не обязательно. Можно парить. Конечно, можно. Если ты птица!

– Но тебе Создатель не дал крыльев.

– Что?! А!

Иван рассмеялся. Частенько создавалось впечатление, что товарищи слышат мысли друг друга. Возможно, это было не только впечатление. Ещё подростками они увлеклись разного рода духовными практиками, и одно время постоянно сидели на берегу Волги, постигая искусство концентрации и чтения мыслей. Мысли читать не удавалось, хотя однажды на отлично удалось переохладение. Их чудом удалось спасти, хотя Антон вернулся к жизни куда быстрее. Он всегда был пластичней Ивана.

– Я совсем не такой восторженный идиот, коим ты меня полагаешь! – заметил Иван. – Я давно вырос. И я учёный, чёрт возьми! Если уж и предполагать за кем из нас оторванность от реальности – то вовсе не за мной. А вот ты разбазарил, и продолжаешь разбазаривать свои совершенно удивительные способности!

Иван многозначительно посмотрел на Антона. Ему частенько хотелось взять на себя роль ментора. Хотя с самого раннего детства было отлично известно, кто именно не забудет в поход соль, спички и прочие исключительно прозаические составляющие бытия. И это был вовсе не Иван. Пришла очередь Антона рассмеяться.

– То есть ты по первому свисту Виддера бросаешь возглавляемую тобой кафедру, занимающуюся интересным тебе направлением – ради проекта, о котором ничего неизвестно кроме претенциозного названия, а от реальности, значит, оторван я?

Друзья посмотрели друг другу в глаза. И, наконец, пожали руки и обнялись.

– Привет!

– Привет.

– Как ты?

– Как и прежде. Реальность, от которой я, в отличие от тебя, не оторван, мне не интересна. И это отнюдь не парадокс. И даже не апория. Для людей с интеллектом.

Антон присел на ступеньки, жестом пригласив Ивана располагаться рядом. Иван покорно уселся, глубоко вздохнув.

– Я не помню, когда не знал Илью Николаевича.

– Хорошо, что я заставил его выбрать тебя, а не меня.

– Да он тебя и не заметил! Вы с ним до сих пор не знакомы!

Иван уставился на Антона.

– Кстати, почему? Как так получилось?

Антон усмехнулся.

– Потому что я умею скрываться в складках этой простой, как драпировка, реальности. Я всегда был умнее тебя.

– Ты?! – Иван подбоченился. – Может в детстве. Но уж точно не сейчас!

– Да, я. Если мы говорим о скорости соображения, а не о сумме знаний. Разумеется, ты всегда был усидчивей. Хотя толку от этого не так, чтобы слишком. Ничего особенного ты не насидел, кроме диссертаций. Да и те – лишь рамки, нормы и правила.

– Знаешь что?! Умение жить в рамках, нормах и правилах – это...

– Хорошему человеку правила не нужны.

– Это психопатам правила не нужны!

– Психопатам они как раз нужны! Хотя, кто сказал, что психопат не может быть хорошим человеком?

Антон подмигнул другу.

Иван отмахнулся, как от нелепицы. Антон усмехнулся.

– Хотя вполне объяснимо, почему ты даже не уточнил у Виддера во что он тебя втягивает. Ты задержался на той стадии развития, когда дитя безоговорочно верит в отца.

– Он мне не отец!

– И поскольку, да, у тебя не было отца, ты назначил Виддера на эту роль.

– Давай вот только без этих вот... обывательских проекций и популярных психологизмов!

– Ни в коем случае! Конечно без них. Но отрицать роль Виддера в формировании тебя как личности – так же нелепо, как поклоняться тому, кого никогда не видел. А люди сплошь и рядом вытворяют и первое и второе.

– Что первое и второе?

– Поклонение. И отрицание.

Друзья недолго помолчали. Антон продолжил:

– Возвращаясь к волнующему тебя: люди проводят вместе уйму времени – и... И ты не мог уточнить детали своей будущей работы? Как спрашивают друг друга люди. Словами. – Антон изобразил друга, заискивающе заглядывающего в глаза воображаемого патрона и учителя: – «Илья Николаевич, а что это за проект “Платон” такой? Почему ради него я должен бросить заведование кафедрой, с быстрыми перспективами стать действительным членом академии наук?»

Антон простодушно поморгал, соорудив выразительную рожицу. Вышло как всегда очень похоже на друга.

– Да ну тебя! – Надулся Иван.

– Может быть этот проект...

Иван вскочил, подхватывая мысль друга:

– Миф о половинках, записанный Платоном. Андрогины, целые люди...

– Третьи люди, – ехидно заметил Антон. – А, может быть, и первые, – пробубнил он себе под нос, уже серьёзно, обдумывая что-то своё. Иван не услышал, он был слишком увлечён.

– Единственные целые люди! – Иван нервно расхаживал. – Слишком сильные. Слишком умные. Слишком...

– Слишком целые.

– Да! Слишком цельные. Они раздражали богов...

– Прежде всего, Зевса. Главного. Текущего, так сказать, руководителя лаборатории. Все остальные боги-сотрудники, научные, если угодно, сотрудники, – всегда подчиняются главному. Руководителю. Создателю. Отцу богов и людей. Точнее сказать: богов и душ.

– И у Зевса был создатель.

– Поэтому я и сказал: текущего руководителя лаборатории.

Но Иван, подсев на волну вдохновения, не обратил внимания на уточнение.

– Зевс принадлежит к третьему – заметь! – к третьему! – поколению богов, свергших предыдущее. Титанов. Причём отец Зевса, Кронос, имел милую привычку сжирать своих детишек. Мамаша подустала оплакивать крошек и подсунула Кроносу спелёнутый камень...

– Я не хуже тебя знаю мифологию! – Антон включил саркастичный тон. – Проект называется «Платон», а не Зевс и не Кронос. А Платон записал миф о половинках.

– И этот апокриф есть не что иное, как вариация на вечную тему бунта созданий против создателей.

– Скорее, на куда более вечную тему подавления бунта, – внёс коррективу Антон, в не слишком характерной для него серьёзной манере.

– А какая разница?

– Принципиальная! – Отчеканил Антон.

– Ладно. Мы далеко ушли от темы. Итак, богам надо было сохранить людей, чтобы не лишаться даров и почестей. Зевс нашёл способ уменьшить их силу, лишить андрогинов равенности богам.

– Равности текущим действующим богам.

– Тупо разделив их пополам.

– Вот с тех пор половинки неудержимо влечёт друг к другу. И не только ради удовлетворения похоти они столь ревностно стремятся быть вместе. Очевидно, что каждый хочет другого не только из-за воссоединения плоти. Но почему именно и чего именно хочет – выразить не могут. Могут лишь догадываться, ощущая своё несовершенство.

– Таким образом, напрашивается вывод: любовь – это жажда целостности и стремление к ней. Ибо плоть воссоединяется часто, но душа едина. И у меня есть некоторые соображения на эту тему...

Внезапно Антон оборвался. По Набережной шла красивая девушка. Красивая девушка, знающая, что она красива. А это как раз тот случай, про который принято говорить: боги не зря старались. Если уж создаёшь живое произведение искусства, то снабди его должным понятийным мышлением. Хотя, конечно, всякое случается. Иван же, тем временем, всё ещё расхаживал, продолжая бормотать себе под нос:

– И предстал перед ними Гефест со своими орудиями и спросил их: «Чего же, люди, вы хотите один от другого? Может, не разлучаться ни днём ни ночью? Я готов сплавить вас воедино, и тогда из двух человек станет один...»

– Твой наизустный бубнёж чужого и мои собственные гениальные соображения оставим на потом!

Антон схватил Ивана за рукав и поволок за собой, вглядываясь вслед девушке, боясь упустить её из виду. Он точно знал: она здесь не просто так.

– Куда ты меня тащишь?! – Возмутился Иван, пытаясь вырваться из цепкого захвата товарища.

– Считай, что я Гефест. Прими и смирись. Тебе зачтётся.

Иван, механически ускоряя шаг по Набережной в диктуемом Антоном темпе, всё ещё не замечал идущей впереди девушки. Внезапно он остановился, как вкопанный.

– Я понял! Проект «Платон» изучает нейрофизиологию любви!

Антон вернулся за отставшим товарищем и настойчиво потащил его вперёд. Нельзя было упускать девицу из виду. Антон знал, что ни в коем случае нельзя! Она поднималась на мост. Это упрощало задачу. А если учесть, что девушка ни на что и ни на кого вокруг не обращала внимания – следить за ней, не привлекая оного к себе, вовсе не сложно. Антон не мог понять,

что с ней не так. Это было удивительно. Как если бы вдруг математический гений споткнулся на задачке по арифметике. А все девушки и были для Антона именно что задачками по арифметике. И в отличие от Ивана, он щёлкал их безо всякого труда. Для Ивана всяческие коммуникации с прекрасным полом были высшей математикой. И даже хуже. Потому как высшей математикой он худо-бедно овладел. Интеллект и усидчивость творят чудеса, особенно если ты хочешь быть независим от смежников хотя бы в построении математических моделей исследований. А вот с девушками у Ивана не получалось. Хотя он был настолько же привлекательным, как Иван. По другому, но настолько же. И Антон Свитальский и Иван Ефремов были весьма красивыми молодыми людьми. А что куда важнее – харизматичными. Несправедливо будет не отметить тот факт, что девушки обращали внимание на Ивана. И девушки. И женщины. И внимание куда как пристальнее расхожого. В иных случаях даже навязчивое. Но Иван – он искренне не понимал, что может нравиться противоположному полу. А чего мы не понимаем – того для нас не существует.

– Да-да, – пробормотал Антон раздражённо. – Виддер решил с твоей помощью раскрыть секрет Гефеста. Никого ещё бездарней не нашёл. Решил, так сказать, пойти от противного.

– Какой секрет? – удивлённо уставился на друга Иван.

– Как не сплавить не того с не той! Пошли, пошли! Немного практики ещё ни одному теоретику не повредило!

– В смысле?!

– У тебя когда последний раз секс был?!

– Джентльмены о таком не распространяются.

– Понятно. Целибат.

Девушка зашла в крупный торговый комплекс и нырнула в подземный этаж, где располагался продуктовый супермаркет.

– Всегда хотел рассмотреть в ближнем бою, если можно так выразиться, что едят такие феи, при росте в метр семьдесят никогда не выходящие за границу пятидесяти килограммов. Хотя в этой – сорок семь. Хм... С половиной!

– Тебе бы фокусы показывать!

– Ага. Или электронными весами работать.

– Откуда ты знаешь, сколько она весит?!

– Ты же знаешь, что просто знаю.

– Вот я и хочу понять механизм этого «просто».

– Я бы на твоём месте лучше бы попытался понять эту девушку. С ней совсем всё непросто.

– И это ты тоже «просто знаешь»?

– Не так это и просто, между прочим! – Антон подмигнул Ивану. – Идём знакомиться.

– Ни за что! Это неприлично. Да ещё... в супермаркете!

– А где прилично?

Но ответить Иван не успел – Антон уже стремительно шёл вдоль рядов в заданном направлении.

Девушка зависала у холодильника с молочными продуктами. Иначе её состояние и нельзя было назвать. Так бывает иногда: вот только помнил, что надо купить – и вышибло. Вышибло напрочь. Абсолютно!

Антон, приближаясь к прекрасной незнакомке, обернулся к товарищу и беззвучно проартикулировал: «Учись, пока я жив!»

Иван соорудил ему предостерегающую мину. Но на Антона это никогда не действовало. Он вежливо оттеснил немногочисленных покупателей – основная масса в это довольно позднее время суток тусовалась там, наверху, в мире шмотья. Тряпочные лабазы, идя навстречу своему основному потребителю – тому самому менеджеру среднего звена, уходящему с работы после восемнадцати, – работали допоздна, под ритмичную музыку, не оставляющую возможность выпасть из парадигмы. Так что в мире жратвы пока было затишье. Впрочем, в мире стало столько жратвы, что проблема голода давно не касалась самого несчастного менеджера любого из звеньев. Этого самого менеджера стала куда как актуальней касаться проблема желанного размера XS, куда основная масса уже не могла упихнуть свои свисающие бока и толстые ляжки. Потому что постоянно от чего-то страдая, эти звенья заполняли свою экзистенциальную пустоту ничем иным, как едой. А потом они страдали от того, что напихались под завязку – и снова страдали. Девушка, стоящая у холодильника, не страдала. Конкретно сейчас она не страдала ничем. Её будто не было. Для Антона. Как нет для зверя объекта без температуры, запаха, звука и вибрации – так для Антона не было человека без мысли и чувства. И если эта девушка настолько продвинута, что может останавливать бесконечный внутренний монолог – она, безусловно, заслуживает интереса! Что это?! Как это?! Годы медитаций? Или то, к чему он шёл, сколько себя помнит – и всё ещё не дошёл, – дано ей по факту рождения?! Тогда она уникал. И уникалы чувствуют друг друга. Но девушка не чувствовала ничего. Она просто смотрела в глубины холодильника с молочкой.

Антон вежливо обтёк девушку, едва коснувшись её, и открыл дверцу холодильника.

– Извините!

Девушка механистически вежливо улыбнулась. Он улыбнулся в ответ. В некотором отдалении Иван делал Антону страшные глаза. Понимая, что если его друг что-то решил, то никакие страшные глаза, и даже глаза страха – не помогут.

Антон взял пакет кефира и ещё раз улыбнулся. Она снова улыбнулась в ответ. И снова – без единой эмоции! Антон был так смущён, что пакет кефира выскользнул у него из рук.

– Вот, блин, руки-крюки! Простите!

Они разом присели, соприкоснувшись головами.

И если бы взгляды прожигали – Антон остался бы без кисти! Потому что Иван заметил, как неувлимым движением Антон вытащил из сумочки девушки кошелек и сунул себе в задний карман джинсов. Мгновенно! Как мангуст в броске. Среди многих и многих талантов Антона этот занимал далеко не последнее, хотя и отнюдь не почётное место!

– Спасибо! – Раскраснелся Антон, принимая у девушки пакет кефира.

– Ну что вы. Это я тут всё... заблокировала собой! – Произнесла она совершенно ровно, удивительным глубоким голосом. Произведшим на тихонько подкрадшегося поближе Ивана совершенно ошеломительный эффект. Он никогда раньше не слышал таких прелестных, таких глубоких, таких полифонических голосов! Ему казалось, что все девушки – они как чайки. Способны производить звуки только высоких тонов, непрерывно следующих друг за другом. Иван застыл и так и стоял, пока Антон не потащил его дальше, к полкам со спиртным.

Девушка осталась у холодильника. Она несмело протянула руку в баночке йогурта и стала ощупывать её, как слепая.

– Зачем ты спёр у неё кошелек?! – Прошипел Иван, оглядываясь на прекрасную, хотя и очень странно себя ведущую, незнакомку.

– Чтобы вас познакомить.

– Тогда для начала познакомь меня с логикой этого мероприятия, а то я что-то не улавливаю!

– Знакомство должно быть красиво обставлено! Ради тебя стараюсь, между прочим! Давай, накладывай что-нибудь в корзинку. Что-нибудь лёгкое. Креветки. Рукколу. Сделаешь ей салат. После.

– Я?! Салат?! После какого «после»?!

Но Антон уже сам хватал с полок и из холодильников провизию, по дороге зацепив здоровенный леденец на палочке, который тут же распаковал и засунул в рот, под укоризненным взглядом интеллигентного Ивана.

Чуть позже, они пристроились в ту кассу, где уже стояла девушка. Подошла её очередь.

– Девушка! Вы всех задерживаете! – Спустя десяток секунд копаний клиентки в сумочке в поисках кошелька, изрекла молодая ещё и вполне симпатичная девица, работающая в личном современном московском супермаркете. Изрекла тем же самым тоном, что поколениями изрекали её предшественницы по всем просторам необъятной родины в гастрономах и привокзальных лавках, коопмагах и закрытых распределителях.

– Это в ДНК подвида встроено. Филогенетическая память, ничего не попишешь! – Шепнул Антон Ивану.

Иван недовольно дёрнулся. Весь его вид красноречиво говорил о том, что проблемы у «их» девушки с кассиршей только и только из-за Антона.

Девушка же тем временем обернулась, чтобы оценить масштаб задерживаемых ею «всех». И искренне вглядывалась в Антона и Ивана. Больше никого не было. Но было непонятно: девушка действительно не видит, что никаких «всех» не задерживает, или же она настолько изысканно-сдержанна в своём сарказме? В любом случае, она сделала извинительную мордочку «всем», причём взгляд её простирался куда дальше, чем следовало бы. Антон подмигнул кассирше, ткнув Ивана вбок.

– Позвольте, я расплачусь! – Неожиданно для самого себя вырвалось у Ивана, заворожено глядящего на девушку. Он достал кошелёк. – Посчитайте вместе!

Кассирша фыркнула. В этом незамысловатом движении воздуха сквозь её носовые ходы отчётливо прослеживалась вся гамма эмоций, из века в век достающаяся таким девушкам, на которую неотрывно таранился Иван, от девиц, подобных той, что сидела на кассе. Самый первый слой, достаточный для понимания: «ну коне-е-ечно, как такая фифа – так сразу спасители найдутся!» Собственно, проблема этих девиц в том, что этим слоем они ограничиваются. Хотя, возможно, не проблема, а как раз – решение. И даже оберег. Копни они чуть глубже – и кто знает, какой кошмар заденешь полотном лопаты. Не все способны копать глубже, оставаясь при этом в добром психическом здравии. Психическое здравие, собственно говоря, присуще от и до только тем, кто не способен, и разумно не желает копать глубже первого слоя.

Девушка кивнула Ивану. Вот так вот просто кивнула. Ему показалось, что они знакомы лет сто. Тысячу! Тысячи тысяч лет они знакомы с прекрасной незнакомкой. Которую он сейчас спасёт! Спасёт от унижения на этой самой кассе. Какая разница где. Ключевое: спасёт. Он – храбрый рыцарь на белом коне! Она – прекрасная принцесса, ожидающая его в заточении. Кассирша – огнедышащий дракон, охраняющий башню. Водонапорную башню с дерьмом.

«Огнедышащий дракон», ещё раз красноречиво фыркнув, с ожесточением отсканировал йогурт и вышвырнул его с ленты. «Храбрый рыцарь», не могущий оторваться от созерцания

«прекрасной принцессы», выложил на освободившуюся ленту продукты из своей корзинки, на автомате достав карту и протянув её «огнедышащему дракону». Удивительнейшим из удивительных голосов, проникновенно, будто исполняя «Песнь Песней», «прекрасная принцесса» молвила «храброму рыцарю»:

– Мне неловко. Неудобно. И это не выход. Где я могла посеять кошелёк? Елена.

«Огнедышащий дракон» изрыгнул:

– Проходите!

Иван от неожиданности уронил банковскую карту. И вот они с прекрасной Еленой оба оказались на корточках. Рядом с картой Ивана лежал и её кошелёк.

– Вы его здесь и выронили. Иван! – Чуть запоздало представился молодой доктор наук, поднимая удивительнейшим образом нашедшийся кошелёк и протягивая Елене. Она улыбнулась и протянула ему его банковскую карту.

– Не удивительно. При моём... – Она на мгновение запнулась, будто подыскивая верную формулировку. – При моих особенностях. Странно, но вас я осязаю в пространстве.

Она замолчала. Иван ожидал пояснения. Что это значит, «осязаю в пространстве»? Но Елена несколько секунд разглядывавшая Ивана с пристальным интересом исследователя, только и сказала:

– Спасибо!

– Не за что! Вы просто уронили. Я просто поднял.

Они синхронно распрямились и вместе пошли на выход.

Антон подмигнул кассирше и положил перед нею фантик от леденца.

– Гипогликемия! Вовремя сахар в ток крови не поступит – и ага!

Он вытаращил глаза и вывалил язык. Кассирша улыбнулась.

– Вам очень идёт улыбка. Когда вы так улыбаетесь – сразу видны бездны нежности и нерастраченной любви. И вас запросто полюбит какой-нибудь осёл. Как в мультике про Шрека! Тамошняя драконша была очень премиленькой!

Удивительно, но кассирша не только не опалила Антона пламенем, но и улыбнулась ещё шире.

Забрав карту, Антон обогнал парочку и притормозил у охранника, читающего новости с экрана телефона. И протянул ему леденец.

– Тебе, мужик, нужна глюкоза. Чтобы – во-о-он! – на экранчиках сосредоточиться!

На одном из мониторов отлично просматривался холодильник, у которого Антон подрезал кошелёк у «прекрасной принцессы». Охранник равнодушно принял леденец, и так же равнодушно выбросил в корзину.

Мимо них проплыли Иван и Елена.

– Сколько я вам должна?
– За йогурт? – обезоруживающе улыбнулся Иван.
– За заботу и готовность помочь.
– Да я! Да как же! Вы мне ничего не должны! – Выпалил он с праведным мужским возмущением.

Внезапно Иван осознал, что ещё никто и никогда так на него не смотрел. Настолько доверчиво и глубоко. Настолько удивительно близко. Стоит ли вообще обращать внимание на девушек и женщин, не могущих, не умеющих так смотреть?! А вдруг миф о половинках, записанный Платоном, никакой не миф? И именно так смотрит душа в душу?!

– Мне негде переночевать, – сказала Елена всё тем же обворожительно ровным, как из неземных краёв, голосом.

Иван улыбнулся чему-то или кому-то внутри себя и, не сказав ни слова, предложил ей руку.

Охранник, вместе с Антоном наблюдавший сцену, с наигранной ехидцей прокомментировал, обращаясь к нему, но глядя парочке вслед:

– Совсем у вас всё просто стало, да?!
– Я бы не сказал.
– Где прелюдия? Или я что-то пропустил?
– Ага. Пропустил. Я уже говорил, – Антон снова указал на мониторы.
– Или хотя бы: «Закурить не найдётся? А то так выпить хочется, что аж переночевать негде!»
– Век других скоростей, дружище! Век других скоростей!

Антон похлопал по плечу ещё крепкого для своих «за шестьдесят» охранника, очевидно не лишённого чувства юмора. А затем выскользнул в круглосуточное многолюдье площади Киевского вокзала. Он ни в коем случае не собирался сегодня быть третьим человеком. Третьим лишним.

Глава вторая

Елена проснулась, но не торопилась открывать глаза. Она могла оказаться, где угодно. Она привыкла оказываться где угодно. Сперва надо начать ощущать мир, ухватившись за что-то. Что-то похожее на то, что легко даётся нормальным людям реальностью их нормально же откалиброванных ощущений.

Она лежит в кровати. На чистом постельном белье. Не таком, как в её коттедже. Попроще. Не таком белоснежном и накрахмаленном. Как можно узнать насколько белоснежно бельё, не видя его? У мозга для этого есть масса путей. А не только «посмотреть открытыми глазами», как частенько любил иронизировать старик Конрад Лоренц.

Елена усмехнулась. Даже когда ты просыпаешься неизвестно где, не раскрыв ещё глаз – неокортекс иронизирует. Такова его особенность. Точнее сказать – предохранительный механизм. Мудрость веков. Та недолгая мудрость не таких уж и многих веков разумной органики. Помирать, так с музыкой! Что же это ещё, как не ирония? Точнее сказать: сарказм. Он же – злое мудрое скоморошество.

Не такое бельё, как в коттедже – это хорошо. Она должна была вчера покинуть коттедж и ни в коем случае не должна была возвращаться. Значит, и не вернулась. Отлично!

Елена ощупала себя – не обнажённая. Тоже неплохо. По ряду причин. Итак, она на чистом, по ощущениям – домашнем постельном белье, в пижаме. Пора открывать глаза. Известно, что принесёт чувственный поток в этот раз, но она привыкла к тому, что в одну реку не заходишь дважды. Ещё одна древняя ирония, в мире буквального мышления зачастую воспринимаемая без особого понимания. В любом случае, в поток надо заходить, выбора нет.

Она открыла глаза.

Белый потолок. Простой белый потолок. Отлично! В этом мире не может быть ничего нормальнее белых потолков! Люди боятся больниц и панически боятся операционных. Это ужасно глупо! Именно в операционных белые потолки – и это наполняет мир покоем. Как белые одеяния богов – богов чаще всего изображают в белых одеяниях, да ещё и с белоснежными бородами. Как белоснежные крылья ангелов. Воображаемая белизна богов и ангелов людей не пугает, а реальная белоснежность оперблоков почему-то да. Где логика?

Елена улынулась. Не ей рассуждать о логике. И этой части у неё нейронные пробои. Так что вероятней всего в том, что химзавод организма синтезирует реакции в спектре от радости до эйфории на первый снегопад, заснеженные вершины, шарик пломбира, а на белый халат врача тревогу – есть логика. И в том, что каждая отдельная частная логика не подчиняется, а наоборот противоречит общей логике – тоже есть определённая логика. Система. Огромная система, неподвластная осмыслению. Не ментальная конструкция, но вера. Вера в то, что всё не зря. Всё – это всё. Но всё не даётся никогда и никому. По крайней мере, никому, едва «посмотревшему открытыми глазами» и на этом основании возмнившему, что он всё понял. Обо всём. Нет, приходится действовать дальше.

Елена откинула край одеяла. На ней была мужская пижама! Неожиданно. Она осторожно огляделась, приподнявшись на локте. Мужчины рядом нет. Её вещи аккуратно сложены в ногах довольно большой двуспальной кровати. Она подцепила женатого? Это было не в её правилах. Впрочем, до вчерашнего дня многое было не в её правилах. А вчера в очередной раз стало не до одного из правил. Когда она была маленькой, не в её правилах, например, было вскрывать ножовкой черепную коробку. Но позже она этому правилу изменила. Вчера она изменила ещё одному правилу. Причём даже не её. А одному из свода фундаментальных. Ну что ж! Теперь, как и всегда в её правилах – менять правила. Собственно, вся эволюция – это всего лишь правила смены правил. Приспосабливайся – или исчезнешь. Такова природа. И не только человека. Такова природа – как система правил.

Соседняя половина не была смята. Она спала здесь одна. Надо попытаться восстановить события вечера. И вчерашние события – в целом. Кое-что она помнила. И помнила очень хорошо. Предпочла бы забыть. Но сейчас это прочно спрятано в той части её сознания, которую она для себя называла «сейфом». В отсеке, безопасном для остального сознания. Дальше – смутно, как беспорядок в гостиной сильно занятой работой одинокой женщины. Привести в порядок можно, но не сейчас, не сейчас. Дальше – коридор, где всегда немного суетливо. А потом за дверь, в сумрачный подъезд обшарпанной типовой многоэтажки, в ночь, в страх, в морок окраины...

Дверь спальни открылась, и вошёл незнакомый молодой мужчина. С подносом, на котором был сервирован пошлейший «завтрак в постель».

– Доброе утро, Елена!

Кем бы он ни был, как бы ни был хорош собой, и с виду, для «раскрытых глаз», не представлял угрозы, скорее наоборот, – сейчас надо бежать. Неизвестно, кто он. И почему она здесь оказалась.

Она моментально подскочила, схватила свои так предусмотрительно и заботливо сложенные в стопочку вещи, с полу цапнула сумочку и туфли. И по касательной хорошо тренированным движением, – когда у тебя не всё в порядке с головой, беспрестанно тренируй тело! – задела пижона с подносом. Он, разумеется, – на то и расчёт! – опрокинул на себя тосты с мармеладом, яйца всмятку и горячий кофе. Это задержит его на несколько секунд!

Она выскочила босая, с вещами подмышкой, на лестничную клетку. Это была не просто очень приличная квартира. Это был более чем приличный подъезд! И, стоит надеяться, более-менее приличный район, с хорошо развитой инфраструктурой, где она довольно быстро скроется в каком-нибудь близко расположенном магазине, ресторане, где угодно. А вот и пожилая дама с собачкой уже собирается зайти в так предусмотрительно вызванный ею лифт.

– Я занимала в эту примерочную!

Издав боевой клич, одновременно и рассмешивший и сбивший с толку Евгению Владимировну, сухую интеллигентную старуху, с прекрасным чувства юмора, от времени и одиночества часто преображавшимся в иронию и даже сарказм, – Елена влетела в лифт и нажала кнопку. Собачка затыкала от неожиданности. Евгения Владимировна слова сказать не успела, как двери лифта закрылись и он поехал. Зато на пороге своей квартиры, из которой и вылетела девушка, появился Иван Ефремов. Вот уж его Евгения Владимировна смерила взглядом с головы до ног. И было на что посмотреть! Белоснежная футболка покрыта свежими пятнами желтка, потёками клубничного джема и кляксами кофе.

– Видать, размерчик не подошёл!

С этими словами Евгения Владимировна, некогда известный режиссёр монтажа, дочь знаменитых советского режиссёра и актрисы, уставилась Ивану в район ширинки. Джинсы были застёгнуты. Евгения Владимировна хмыкнула. В её молодости в таких ситуациях молодые люди дай бог бы в трусах были. Мельчает племя!

– Извините, Евгения Владимировна!

Иван покраснел и бочком-бочком, под взглядом старухи, прокрался к лестнице и там уже понёсся вниз со всей отмеренной ему живостью.

– Елена! Елена, подождите! Вы не так меня поняли! Позвольте, я всё объясню!

– Видишь, Франт?! – Строго обратилась Елена Владимировна к своему верному таксику. – Беготня за сучками даже такого прекрасного молодого человека, как Иван Алексеевич, способна сделать сущим кретином. Так что очень хорошо, что я тебя своевременно кастрировала.

Франт разразился лаем, смыслы которого не поддавались однозначной трактовке. Елена Владимировна высокомерно вздёрнула свой фактурный, красивый для мужчины нос, доставшийся ей от папы режиссёра, и нажала кнопку вызова лифта.

Когда они с Франтом вышли из подъезда, то успели увидеть только мелькающие вдали пятки Ивана. Франт одобрительно залаял. Елена Владимировна картинно поджала красивые губы, доставшиеся ей от мамы-актрисы.

– Видишь ли, Франт! Я всё равно заставлю тебя носить ботиночки. Потому что зимой улицы поливают реагентом. А у меня и так не слишком большая пенсия, чтобы тратить её ещё и на лечение лап у ветеринара.

Внезапно вся строгость слетела с Евгении Владимировны, она присела на корточки рядом со своим верным товарищем, погладила его за ушами, подмигнула и хулигански прошептала:

– Дура она, Франтик! От таких молодых людей, как Иван Алексеевич, бегают только дуры. Умные бегают за такими! Вот и я дура была. Ну? Побежали?

И Евгения Владимировна и Франт побежали. Он на своих коротких кривоватых лапах высокопородной таксы. А Евгения Владимировна – на безупречно красивых икрах и бёдрах, доставшихся ей от мамы-актрисы, прочно установленных на ступни фундаментального размера, доставшиеся ей от папы-режиссёра. И никакой бег, кроме бега друг с другом их уже не интересовал.

Иван, пометавшись туда-сюда некоторое время, всё-таки обнаружил, что он босой. Кажется, это было далеко не самым странным этим утром. Впрочем, вчерашним вечером нелепиц тоже хватало. Но он почему-то был совершенно счастлив. Он обязательно найдёт Елену! Как сказал бы Антон: просто знает, что найдёт. А сейчас надо было сосредоточиться. У него первый рабочий день! В секретном институте, возглавляемом его учителем Ильёй Николаевичем Виддером. Под руководство Ивана вверена целая лаборатория! Лаборатория, участвующая в проекте «Платон».

И Иван ни черта не знает, что это за проект такой. Собственно, об институте он знает ещё меньше. Он даже не знает его названия. У него есть только адрес. Точнее: координаты! Причём на всех картах и навигаторах по этим координатам располагается... лес. Лес – и ничего больше. Общедоступные съёмки со спутника в этом районе тоже показывают лес. Лес! Осталось только надеть костюм грибника.

Тем не менее, приняв душ, Иван нарядился в костюм-тройку. Оглядев себя в зеркале, он решил, что это уж слишком. И снял жилет. Вот так нормально. В лес по координатам, в брюках, пиджаке и галстуке. Вполне нормально, да. Если бы сейчас здесь был Антон, он бы непременно съязвил что-нибудь про Людей В Чёрном. Но его здесь и сейчас нет. Кстати, куда он вчера

делся? Способность Антона внезапно исчезать в никуда была равна только его же способности внезапно появляться из ниоткуда. Иван давно к этому привык и совсем не удивлялся. Просто давно не виделись. С другой стороны, в тактичности Свитальскому не отказать. Известно же: где есть Антон – Ивану делать нечего. В смысле внимания девушек. Даже удивительно, что Елена вчера вовсе не заметила Антона, который так мастерски, надо признать, создал повод для знакомства. Шалопай чёртов! Немножко смущает и то, что Елена сегодня утром не узнала Ивана. Но это совершенно ничего не значит. Женщина, которая хотя бы раз на тебя посмотрела так, как вчера на него смотрела Елена – может не узнавать, не помнить, но... от этого ничего не меняется, в общем. Ничего в данном случае – всё. Или около того.

Примерно в таком духе размышлял Иван, выруливая из центра. Довольно удобно добираться на службу из центра за МКАД. В то время как огромное количество людей едет в противоположном направлении. Иван не очень любил автомобиль. Но хотя бы в первый день не надо пользоваться электричкой. К тому же топать, если верить координатам, далековато. А Иван пока не верил даже координатам.

Как в этот лес въехать – пришлось соображать «по геодезической». Довольно широкая просека, вполне проходима для внедорожника. Через десять минут езды перед Иваном возникли ворота. Неприметные, выкрашенные обыкновенной тёмно-зелёной краской. Иван собрался выйти из машины, чтобы рассмотреть поближе. Должно же быть переговорное устройство, видеонаблюдение. Куда говорить, откуда слушать. В таком духе. Не таранить же их, в самом деле. И не перелазить, как мальчишка-школьник в поисках приключений. Но внезапно ворота распахнулись. Направление к координатам было верное. Иван, озираясь с некоторой опаской, замаскированной под шутовство – всё-таки где-то здесь должно быть видеонаблюдение! – проехал. Ворота бесшумно затворились ровно так, как прежде открылись.

Ещё некоторое время Иван ехал по просеке, ожидая увидеть хоть что-нибудь кроме деревьев. Что-нибудь, хоть сколько-нибудь напоминающее серьёзный научно-исследовательский институт. Но ещё через четверть часа езды – и кажется с надеждой добираться на работу электричкой, чтобы иметь возможность читать, придётся расстаться, – никаких признаков солидной учёной жизни не обнаружилось. Только извилистый поворот, приведший к полуразваленному коровнику в зарослях борщевика. Около почти разрушенной кирпичной стены возился мужик с тачкой, по виду – совершеннейший абориген. Иван остановился, состроил в зеркало заднего вида приличествующее лицо и вежливо поинтересовался у своего отражения:

– Здравствуйте! Вы не подскажете, как проехать к супер-секретному институту, название которого я не знаю? Нет-нет, прошу вас! Не надо службу спасения! И «психиатричку» тоже не стоит! Я – доктор медицинских наук, Иван Алексеевич Ефремов.

И Иван протянул руку воображаемому собеседнику. В этот момент в стекло постучали. Иван так увлёкся, что не заметил подошедшего аборигена. Он опустил окно, и улыбнулся со всей максимально отпущенной ему любезностью.

- Иван Алексеевич? – поинтересовался мужик.
- Да-да! – Обрадованно подтвердил Иван.
- Ваши документы.

Иван много кому в этой жизни демонстрировал документы. Но ещё ни разу – потёртому мужичонке в глухом лесу. Всё когда-то происходит впервые. Но мужик, несмотря на затрапезный вид, производил солидное впечатление. И как-то сразу хотелось показать ему документы.

Ощущалось всеми фибрами, что он имеет на это право даже в лесу, будь документы сто раз доктора наук.

Иван протянул мужику водительские права.

– Простите, я не взял паспорт. Илья Николаевич не предупредил.

Мужик вернул Ивану права.

– За коровником сенохранилище. Заезжайте. Вам покажут ваше место.

Мужик махнул рукой: «туда!» Иван и поехал, недовольно бормоча:

– «Вам покажут ваше место»! Ещё на днях я был уважаемым человеком, возглавлял кафедру. И вот сегодня я в лесу, и мне покажут моё место! В сенохранилище за коровником! А так и надо поступать с теми обалдуями, которые даже не изволят поинтересоваться, чем таким их приглашают заниматься! Хоть Виддер, хоть сам чёрт! Что, возможно, одно и то же. Прав Антон! При Виддере я теряю волю, ум и сообразительность. А главное: я теряю самость!

Тут занимательную беседу с самим собой пришлось прервать. Автоматические ворота сенохранилища отъехали вбок, и перед Иваном возник сияющий ангар, более уместный в голливудском шпионском триллере. Или в фантастической многосерийной саге. Но никак не в подмосковном лесу. Создавалось впечатление, что...

– Ага! Внутри больше, чем снаружи! – Хихикнул Иван, представив себе гипотетическую реакцию Антона, фанатичного почитателя «Доктора Кто».

К Ивану подошёл моложавый мужчина, в костюме. С военной выправкой.

– Здравствуйте, Иван Алексеевич. Ваше парковочное место...

Да, Ивану показали его парковочное место. Прямо рядом с джипом Виддера! Вероятно, это немало в тутошней иерархии. Совершенно обалдевший, он вышел из машины. Мужчина в костюме не демонстрировал никаких эмоций, только сказал:

– Прошу следовать за мной.

Они подошли к обычному лифту, мало чем отличающемуся от лифтов в подземных парковках дорогих отелей. Внутри «костюмный» вставил ключ в один из разъёмов на панели и лифт поехал. Судя по всему вниз. Вверх очевидно ехать было некуда. Да и тело не обманешь. Это доктор медицинских наук знал как никто. Правда, ещё он знал, что иногда для тела иллюзия – реальней реальности. И в этом, в том числе, была сфера его научных интересов. Решив ничему не удивляться и ни о чём не спрашивать «костюмного», в общем, вести себя, как бывалый – Иван попытался рассчитать, на сколько этажей вниз они спустились. Но у него ничего не получилось. Кроме первоначального практически неосязаемого толчка, возникало впечатление, что ничего не происходит. Никакого движения.

Двери лифта раскрылись. «Костюмный» сделал пригласительный жест. Иван вышел и оказался в обычном холле самого обычного научно-исследовательского института. Ну, возможно, куда лучше обычного финансируемого. Чего уж там! Безлимитно финансируемого режимного научно-исследовательского института. Да-да, старого доброго режимного! Если

всё, что было там, в лесу, у коровника-сенохранилища – больше напоминало фантастический боевик, то здесь, в холле, всё было куда привычней. И куда меньше смахивало на бондиаду. Вот и охранник, наконец, у конторки. В нормальной форме. Военной! Без знаков отличия и без обозначения родов войск, но с автоматом! Это, конечно же, слишком даже для «почтового ящика», но Иван решил ничему не удивляться, стоя у рамки металлоискателя.

– Ваши документы! – Корректно, но требовательно обратился охранник к Ивану, козырнув.

– Э-э-э, – промямлил Иван. – Я... Я забыл права в бардачке, а паспорт и вовсе не брал, а военный билет я не знаю где, я как врач, конечно же, военно-обязанный...

– Ваши документы, Иван Алексеевич! – Охранник улыбнулся.

Только сейчас Иван заметил, что охранник протягивает ему удостоверение. Стандартного формата «корочки», смахивающие на читательский билет старой доброй библиотеки. Никакого новомодного пластика. Ивану очень хотелось немедленно развернуть корочки, чтобы прочитать, наконец, где он работает-то! Но было неловко. К тому же охранник протягивал ещё и ключ. Такой же, как у сурового моложавого мужчины в костюме из сенохранилища-гаража.

– Лифт напротив того, что вас сюда доставил. Вставьте в соответствующее гнездо. Приятного дня, господин Ефремов!

И охранник улыбнулся так, будто он был голливудской кинозвездой, приветствующей фоторепортёров. Ивану показалось глупым уточнять у голливудской звезды, какое гнездо соответствует врученному ключу.

– Просто Иван. И вам!

Охранник ещё раз козырнул.

– Просто Егор.

– И вам, Егор.

Ошибиться в лифте с соответствующим гнездом не представлялось возможным. Оно было подписано: ПРОЕКТ «ПЛАТОН». Так что Иван просто вставил ключ в скважину и двери закрылись. И снова никакого движения он не почувствовал. Возможно, он не почувствовал его и в первый раз. Ожидал, что *почувствует* ход под землю из сенохранилища – вот и почувствовал.

Дверь лифта открылась непосредственно в лабораторию. Взору Ивана предстало довольно просторное помещение. Хотя он ожидал увидеть всё, что угодно. Включая лабораторию, описанную в рассказе Клиффорда Саймака «Создатель». Но это была обыкновенная хорошо оснащённая современная лаборатория, довольно точно повторявшая ту, в которой он ещё так недавно, несколько лет назад, до приглашения заведовать кафедрой, – работал под руководством Виддера. Возможно, немного усовершенствованную. Лаборатория была пуста. В смысле – безлюдна. Это сразу стало понятно. Иван осторожно вышел из лифта. Двери лифта закрылись. И тишина. Возможно, лифт остался стоять здесь. «На этаже». Иван прошёл вглубь лаборатории. В одном из закутков он обнаружил практически полную копию своего кабинета. Уже кабинета заведующего кафедрой. И даже его любимый постер со стилизованным «под старину» изображением гиппокампа – существо с головой и торсом коня, но передними перепончатыми лапами и хвостом морского конька, – висело в оконном проёме... Оконный проём!

Да, здесь были окна! И из окон был виден лес! Как это возможно?! Иван попытался открыть окно, но оказалось, что они глухие.

– Разбить не пробуй. Если уж у меня не получилось, то у тебя и подавно не выйдет!

Вот тут Иван вздрогнул. Услышав до боли родной голос Антона. Услышь он чей угодно голос – он бы не был так ошарашен. Его невозможно было удивить внезапным появлением Антона где и когда угодно, но чтобы здесь?! И это на мгновение напугало Ивана больше, чем явление любого незнакомца. Его товарищ просто не мог быть здесь! Никак!

– Господи!

– Не, брат! Это всего лишь я.

Антон сидел на рабочей панели. В рабочей робе. В руках у него была чашка кофе. Иван медленно подошёл к товарищу, не спускающего с него насмешливого взгляда, и потыкал его пальцем в плечо.

– Да я это, я! Ты не сошёл с ума, в общепринятом клиническом смысле этого слова. Кофе хочешь? Виддер снабдил тебя даже кофе-машиной. – Антон кивнул в сторону аппарата, больше похожего на космический.

– Как ты здесь оказался?! – Вскричал Иван. – Если даже я не понял, как сам здесь оказался!

Антон пожал плечами, будто речь шла о чём-то настолько обыденном, что и говорить не стоит.

– Я всегда был умнее тебя. И мы в который раз говорим не о сумме знаний.

Иван сверлил друга взглядом. Антон скосил глаза вправо. Там стояла ещё одна чашка с горячим свежим кофе:

– Я и тебе сделал. Не хотелось бы, чтобы ты в первый же день сломал дорожную высоко-технологичную установку, производящую то же самое, что способна произвести обыкновенная турка, поставленная на спиртовку.

– Как! Ты! Здесь! Оказался!

Антон сделал глоток. Этот простой акт потребовал куда больше времени, чем следовало бы. Можно было заподозрить, что ему доставляет удовольствие бесить друга. Но это было не так. Антон всегда выручал Ивана, «по жизни», что называется. Хотя если совсем откровенно: выручал, прежде немного побесив. Совсем чуть-чуть.

– Антон!

У Ивана из ноздрей шёл дым. Или нет! Иллюзия! Это всего лишь пар от горячего кофе. Он тоже сделал глоток, чтобы смочить пересохшее горло.

– На самом режимном сверхсекретном объекте есть исключительно бытийные службы. – Антон говорил спокойно, будто речь шла о сущей безделице. – Еда, мусор. Биологические

отходы, в которые превращается еда. В твоём высокоинтеллектуальном учреждении приключился затор. Не полёта мысли и фантазии, но...

– Продуктов корпускулярной жизнедеятельности! – Иван предпочёл упредить товарища, с молодых ногтей не стеснявшегося в выражениях. И к зрелости не утратившего привычку называть вещи своими именами.

– Если тебе именно так хочется обозначить...

– Ты хочешь сказать, – поспешно вклинился Иван, подбавив ехидства, – что если у них, вот здесь, проблемы с канализацией, они запросто звонят в городскую службу и вызывают сантехника?! Но даже если так, когда ты успел стать служителем коммунального культа?!

В этот момент открылась дверь, которую Иван ещё не успел приметить, и в лабораторию вошёл Виддер. Он мельком глянул на Антона, не вызвавшего у него ни малейшего удивления – тот салютовал ему чашкой кофе:

– Ваш добрый сотрудник угостил простого сантехника чашкой кофе.

Виддер оставил шутовскую реплику Антона без внимания.

– Доброе утро, Илья Николаевич!

– В мой кабинет! – сухо бросил Виддер и вышел.

Под насмешливым взглядом Антона Иван поспешил за своим учителем.

Коридор тоже мало отличался от обыкновенных коридоров научных учреждений. Дверь в кабинет Виддера была напротив входа в лабораторию. И кабинет Виддера был точной копией его кабинета тех времён, когда Виддер заведовал кафедрой физиологии. И даже надпись, выведенная каллиграфическим почерком Создателя, чёрной тушью по белой бумаге, обрамлённая в простую угольно-чёрную рамку висела на стене:

Кто сам понимает своё безумие, тот разумнее большинства людей.

Первоначальных «ремесленных» специальностей у Виддера было три: неврология, психиатрия и нейрохирургия. Его страсть к объединению знания о мозге, нервной системе и бихевиористике в одну специальность привели его в «чистую» науку. Так что нейрофизиология была его коньком. Он отлично знал биохимию, биофизику, молекулярную биологию и генетику, и многие прочие «смежные» области, ибо полагал Большую Науку единой и неделимой Системой. Быстро достигнув всего возможного в рамках ныне разрешённой официальной науки, став академиком, в том числе ряда крупнейших серьёзнейших зарубежных академий, Илья Николаевич Виддер пропал со всех учебных, научных и лечебных горизонтов на несколько лет. Как минимум – с горизонтов открытых. Иван никогда бы не ушёл от Виддера, его бы невозможно было прельстить самым заманчивым предложением – даже таким, как в таком молодом возрасте заведование весьма солидной кафедрой в вузе с историей, – если бы Виддер не пропал. Из науки. Хотя и поддерживал связь с Иваном, ничего не рассказывая ему о своей текущей работе. Теперь становится понятным, почему. И вот неделю назад он сделал Ивану предложение. От которого тот не просто не мог, но и не вздумал бы отказаться. Если бы Виддер пригласил его в ад – Иван в спешке даже бы не уточнил, является ли смерть необходимым условием путешествия.

Виддер сел за стол, не пригласив Ивана присесть. Сказал деловито, без приветствий:

– Поздравляю с официальным вступлением в Проект «Платон».

– Спасибо, Илья Николаевич! – горячо поблагодарил Иван, всё ещё не зная, за что. Но поскольку ещё со вчера у него была припасена версия, её он и озвучил с щенячьим энтузиазмом. В присутствии Виддера Иван немедленно забывал, что он уже и сам не Ваня, а Иван Алексеевич, доктор наук и всё такое. И немедленно превращался в восторженного мальчишку, едва наученного азам яхтенного ремесла, и ещё толком не разобравшегося ветер ли управляет парусом или же парус ветром. Его манил сам процесс.

– Мы будем заниматься любовью?! – Выпалил он со всей страстью любопытства, всегда охватывавшей его рядом с начинаниями и идеями Виддера.

Илья Николаевич едва заметно искривил губы. Что означало крайнюю степень ироничной насмешливости. Хотя Виддер не был знаком с Антоном, но в этой ироничной насмешливости они были чертовски схожи. Равно и в честности называть вещи своими именами.

– Я предполагал все эти годы, что ты испытываешь ко мне суррогат сыновних чувств. Это нормально. Ты не знал своего отца. Но я не мог предвидеть, что дело примет подобный оборот, что твои чувства настолько усугубятся. Прости, если сам не желая того, дал тебе ложную надежду.

Тирада была произнесена настолько серьёзно, что надо было знать человека много лет, чтобы понять, что он откровенно насмешничает.

– Да ну вас, Илья Николаевич! – фыркнул Иван. – Я имел в виду содержание Проекта. Мы будем изучать нейрофизиологию любви?

– Фуух! – Виддер сделал вид, что испытал огромное облегчение. – Потому что я не хотел бы оскорбить тебя отказом, в случае столь неожиданного поворота. Но и ответить согласием, в силу ряда причин, никак не могу. Это было бы чревато фатальными последствиями для нас обоих. И окончательно бесповоротно фатальными – для одного из нас.

Иван только рукой махнул на очередную насмешливость Виддера.

– Илья Николаевич! Я же серьёзно!

– Да и я не шучу. У меня нет чувства юмора.

– Ну да, ну да. Так чем всё-таки занимается «Платон»? Я безоглядно согласился руководить лабораторией. Потому что там, где вы – там передовой план науки, там...

– Иван, у науки нет передовых, штабов, резервов и тыла. Точнее – всё это наука. И этим мы и будем заниматься.

– Чем?!

– Всем!

Виддер выдержал театральную паузу, наслаждаясь заминкой ученика. Чтобы немного успокоиться, Иван посмотрел в окно. За окном был лес. И верхушки деревьев качало порывами ветра.

– Как здесь за окном может быть лес?! Как здесь за окном может быть ветер?!

– Мир полон иллюзий, не правда ли?

– Неправда! – Горячо возразил Иван. – Вы сами учили меня, что в мире нет иллюзий. Только наш мозг может сотворить иллюзию.

– Вот именно, – кивнул Виддер. – Так что лес и ветер за этим окном – иллюзия, созданная нашим мозгом. Как в прямом, так и в переносном смысле. Как, возможно, – понизил он голос до киношного зловещего шёпота, – лес и ветер за любым из окон!

– Да-да! Сперва наш мозг создаёт иллюзорную гипотезу, затем технологию иллюзии, а затем наслаждается иллюзорной реальностью.

– И мы уже не можем отличить одно окно от другого. Что уж говорить о всего лишь первой производной в виде образа за окном. А теперь подойди и открой его.

Иван посмотрел на учителя с сомнением.

– Иди, иди! Не бойся!

Окно в кабинете Виддера легко открылось, и в лицо Ивану подул свежий ветер, его обдало запахом разогретой на солнце хвои и прелой листвы.

– Не может быть! А почему в лаборатории окна не открываются?!

– Потому что бюджет персональных нужд главы Института больше бюджета персональных нужд всего лишь руководителя одной из лабораторий Проекта.

Виддер встал, подошёл к окну и закрыл его.

– Ты ощутил всего лишь вторую производную иллюзии. Возвращаясь к твоему вопросу, – Виддер вернулся в кресло за столом. – Мы будем заниматься всем. Будем изучать всё. В том числе – и нейрофизиологию любви. На свете очень много любви. И её странных производных. Большого пока сказать не могу.

– Куда уж больше, чем ВСЁ! – Иван попытался быть саркастичным. Но у него в очередной раз не получилось. Вместо насмешки вышло какое-то жалкое сетование школьника на невозможность решить задачку.

– Да, всё. И среди всего, – Виддер вернулся к сухому тону, – серийных убийц. Их нейрофизиологию, нейроинформатику, нейропластичность. Их генетику. Их филогенез, приведший к подобному сбою. Или не сбою, а очередному приспособленческому механизму. На благо... На чьё благо? Ибо ни один приспособленческий механизм не возникает не во благо. Психопатия – что она? И этим будем заниматься. Методологически. Всеохватно. Насколько это возможно на данном этапе нашего интеллектуально-технологического развития. Не реализует ли природа, бог, вселенная, я не знаю кто – подобным образом очень полезный инструмент *неудовольствия*, чтобы доставить планете *радость*? И почему психопату предписываются *пороки* и *наслаждение*, в какой момент и почему психопат перестал испытывать радость, но в формах получения *наслаждения* развился до самых странных форм? Потому что психопатия не редукция, а именно развитие. И так далее. И тому подобное. И чёрт знает что ещё. Я же сказал: всё.

– Почему «Платон»?

– Почему нет? В человеческих телах и душах сосуществует порой далеко не одна личность.

– Не считая того, что он до сих пор не найден. Мост между телом и душой.

Виддер одобрительно кивнул:

– И его будем искать.

– Но как же мы будем изучать серийных убийц, если даже Бухановскому, без которого дело ни за что не раскрыли бы, мозг Чикатило не достался, несмотря на его настоятельные просьбы?!

– Чикатило казнили выстрелом в затылок. Нет никакого смысла в мозговом детрите. Даже если бы Чикатило был казнён иначе, какой смысл в мёртвом мозге? Что может сказать мёртвый мозг? Тебе интересна живая девушка. Я надеюсь, – Виддер снова чуть заметно скривил губы. – С мёртвой девушкой не поболтаешь, не займёшься любовью, она не ощутит запах тёплой хвои, не получит радость от морского бриза. Изучаемый мозг, как и интересующая тебя девушка, должны быть живы. Если ты, конечно же, не психопат. Но даже психопат интересуется первоначально живым. Его задача сделать живое – мёртвым. Или хотя бы безжизненным. Наша задача прямо противоположна: мы должны оживить психопата. Во всех смыслах слова «оживить».

Ивана слегка передёрнуло. Сравнения Виддера никогда нельзя было назвать элегантными – зато они всегда пронимали. Виддер отследил реакцию ученика. Впрочем, как всегда. Усмехнулся, и продолжил, как ни в чём не бывало:

– Возвращаясь от метафор к методологии. Хотя довольно часто, а точнее сказать: всегда – это одно и то же. Если мы говорим о системном подходе. – Виддер уставился в окно совершенно пустым взглядом. Внезапно опустевшим. Такое и прежде бывало с учителем, и Ивана это всё ещё пугало. Чтобы прогнать страх, в который всегда приводил его подобный взгляд, Иван затараторил:

– Но весьма затруднительно изучать деятельность живого мозга на нейронном уровне! Это опасно. Это негуманно. Это запрещено, в конце концов! Иногда нам удаётся, если нужды пациента того требуют...

Взгляд Виддера снова стал осмысленным, он насмешливо перебил ученика:

– Я знаю твои темы, и говорить о них ты можешь долго. И вряд ли в твоей скороговорке мелькнёт хоть что-то, неизвестное мне. Да, дорогой мой ученик! Да! Живого – затруднительно. Мёртвого – бесполезно. Где-то между затруднительным и бесполезным пролегает наша тропка.

В глазах у Ивана вдруг вспыхнул восторженный мальчишеский блеск:

– Мы будем принимать участие в расследованиях? Что-то вроде «Мыслить как преступник»? Я очень люблю этот сериал, хотя для того, чтобы получать от него удовольствие, мне приходится убивать в себе врача и учёного. Люблю, даже несмотря на то, что там довольно примитивная схема сценария: создаёшь ряд когнитивных гипотез и, путаясь в них, ожидаешь, что одна окажется верным когнитивным суждением ровно к концу серии. Увлёкшись, я даже сам набросал идею и написал несколько сюжетов. Но потом мне стало скучно. Любая схема рано или поздно становится скучна. Будто твой мозг кружит и кружит на одной и той же карусели, и ничего не меняется! Что может измениться в маршруте карусели?! И весь спектр восприятия постепенно суживается до этого узенького круга. Формирует карусельный нейронный путь. Как с любой дурной привычкой.

Закончив монолог, Иван наткнулся взглядом на тонкую папочку, протягиваемую ему Виддером.

– Вот, кстати. Твоя первая «лабораторная работа».

Иван взял папочку. Открыл. Фотография импозантного красавца за пятьдесят, от которого так и разило чем-то таким... Где-то он его уже видел. Иван пробежал глазами печатные строчки.

– Конечно же!

– Конечно же, в нашем довольно узком профессиональном мире ты хоть раз да пересекался с ним. Хотя бы шапочно. На конференциях, съездах.

– Ещё я с ним как-то раз был на записи телепередачи. Где меня безжалостно обрезали, и я выглядел полным олухом! – насутился Иван. – А вот господин Васильев вовсе не был учёным и врачом, хотя именно так себя и преподносил публике. Он был торговцем!

– Не совсем. Он был дельцом. Неплохим ремесленником и великолепным дельцом в своей, заметь, ремесленной нише. Это важно. Он не торговал воздухом или беспочвенной надеждой. Он торговал помощью. Иногда быть дельцом в своём деле более, чем достаточно, чтобы собрать под крыло действительно учёных и действительно врачей. Которым нужны средства, но которые ничего не смыслят в источниках получения оных. Так что Васильев был на своём месте. При своём деле. Он пестовал детище, которое создал. Дельцу не обязательно быть Мыслителем и Гуманистом. Напротив, мысли и гуманность, на нынешнем уровне интеллектуального развития и того, что люди вкладывают в понятие «гуманность» – вредят делу.

– Подождите! Не понимаю. Был? Пестовал? Почему в прошедшем времени?

– Новости не смотрим? В Интернет не ходим?

И Виддер многозначительно кивнул на папочку. Иван, пробежав ещё несколько строк, поднял на Виддера обескураженный взгляд.

– Найден мёртвым? – Затем вернулся к бумагам и бегло пробубнил текст: – «Причина смерти: сквозное пулевое огнестрельное ранение груди, причинённое пулями калибра более шести и менее девяти миллиметров, из распространённых боеприпасов калибра семь целых шестьдесят две сотых миллиметра. Входная рана расположена на груди слева от срединной линии, выходная соответственно на спине справа от срединной линии. В момент причинения огнестрельного ранения потерпевший был обращён к дульному срезу оружия передней поверхностью тела, что подтверждается направлением раневого канала».

Виддер поморщился.

– Спасибо, Иван. Я догадывался, что доктор наук умеет читать. Но твоя задача чуть-чуть сложнее. Ты должен выяснить, кто убил Васильева.

– Я?! Но я врач, а не следователь! Я учёный, а не... детектив!

– Гомологичные специальности. Наука подобна криминальной истории. Должно найтись такое объяснение, которое покажет неразрывную связь всех улик и высветит их скрытый смысл. Так что ты будешь искать объяснение смерти Васильева. Заодно и выяснишь, кто его убил.

– Но я... Но как? У меня нет полномочий. И...

– И куда бы ты ни пошёл, к тебе отнесутся если не с должным почтением, то, как минимум – не будут препятствовать.

– Но всё-таки...

– Вон! – Коротко сказал Виддер.

Иван пошёл на выход. Растерянно оглянувшись от дверей:

– А кто ещё, кроме меня, участвует в Проекте? Кого я возглавляю?

– Лаборатория твоя. Тебе и штат набирать. Сразу скажу: не слишком раздутый. Двоих помощников будет более чем достаточно для начала. Но не торопись. Это должны быть проверенные люди, с острым умом и соответствующим образованием.

– Соответствующим чему?

– Всеми! – Рявкнул Виддер. – И вот ещё что! – Он красноречиво окинул Ивана взглядом. – Не надо этого бандитского шика. Достаточно джинсов, кроссовок, футболки. Не надо катаевщины. Обойдёмся без хороших шляп, отличных ботинок и готовности убивать любого за сто тысяч. Этот вид эмоционального холода примитивен и, соответственно, не интересен, как всё уже довольно хорошо изученное. Одевайся удобно, а не в соответствии, – Виддер кивнул головой за окно, как будто именно за этим окном была земная поверхность, населённая живыми людьми, а не... Иван затруднялся сказать что. Почва? Населённая совсем другими организмами. Возможно более полезными Планете, чем человек. Илья Николаевич тем временем продолжал: – *Удобство* и есть высшая степень *соответствия*. – Виддер холодно улыбнулся. – А в случае иных задач – одевайся в соответствии со средой – для удобства оставаться в живых. Это мимикрия – биологическая, социальная, какая угодно – часть большей Системы. Здесь же тебя никто не убьёт, если ты придёшь в кедах и толстовке.

Иван выскочил за дверь.

В лаборатории Антон вольготно расположился в кресле, задрал ноги на стол. Иван недовольно поглядел на друга, но ничего не сказал, взяв с рабочей панели чашку, сделав глоток и пробурчав:

– Обожаю холодный кофе.

– Я сварю ещё! – Антон с готовностью сорвался с места. – Каковы результаты аудиенции?

– Это вообще-то секретная информация.

– Ну да, ну да. Секретная информация в секретном институте, куда невозможно проникнуть.

Направляясь к кухонному уголку, Антон ловко выхватил папку у Ивана из подмышки. Тот только вяло сказал – всё равно бесполезно:

– Немедленно отдай.

Но Антон уже открыл папку. Увидев фотографию, на мгновение нахмурился. Иван уловил изменение мимики друга.

– Знаешь его?

– Откуда?!

– Он довольно часто мелькал в телевизоре.

– Я не смотрю телевизор.

Антон пролистал папку. Закрыл, положил рядом с Иваном и отправился колдовать кофемашиной. Деловито резюмировал:

– Итак, убит организатор и соучредитель, главный врач и прочий отец-основатель пятизвёздочного дурдома.

– Заведение Васильева занималось не только тем, что можно трактовать как отклонение от психической нормы. В первую очередь они занимались тем, что обыватель мог бы назвать

восстановлением нормальных функций у людей с тяжёлыми поражениями центральной нервной системы после инсультов, аварий и...

– И всего, что приводит к сбою процессора под названием «головной мозг». Или неполадках в проводке от центра к периферии.

– Если совсем упрощённо: да.

– Ещё проще: спасением «материнки» и перепрошивкой нейронных путей.

Иван с одобрением посмотрел на друга. Антон обладал воистину острым умом. Но он не собирался демонстрировать ему восхищение лишней раз. Потому ответил прохладно:

– О нейропластической трансформации можно и так сказать. Спектр оказываемых клиникой диагностических, лечебных и реабилитационных услуг очень широк и довольно сложен для популярного изложения. Но твой облегчённый вариант довольно точен. Для упрощённого восприятия.

Антон добродушно усмехнулся. Терминологический снобизм Ивана был ему отлично известен. В этом мире терминов громадьё, где новые и новые плодятся в геометрической прогрессии, создаётся впечатление, что усложнение существует лишь для того, чтобы замаскировать всё ещё имеющее место быть человеческое незнание о простейших вещах и понятиях. Когда-то учёные довольствовались всего лишь четырьмя элементами: воздухом, водой, землёй и огнём. Сейчас существует таблица Менделеева, а адронные коллайдеры дробят и дробят элементарные частицы. Но больше ли современные учёные знают, чем учёные эры четырёх стихий?

– И Виддер поручил тебе расследовать убийство Васильева.

Иван недоумённо пожал плечами:

– Что-то вроде того.

– И зачем?

– Если бы я знал.

– А ты спрашивал?

– Да.

– И что?

– Как всегда, когда о чём-то спрашиваешь у Виддера – чувствовал себя идиотом.

– То есть обыкновенное его «пойди туда, не знаю куда, найди то, не знаю что».

Иван кивнул.

– И результатом алгоритма традиционно явится сам процесс.

Антон протянул Ивану чашку горячего кофе.

– Кстати, о самих процессах? Как твоё вчерашнее приключение?

Иван обжёгся, поперхнулся и укоризненно глянул на друга:

– Джентльмены о таком не говорят!

– Понятно. Тебя продинамили.

– С Еленой всё... Всё не так. Это не просто... Не просто то, во что ты пускаешься с лёгкостью. Кроме того, у неё, по всей очевидности, имеются расстройства восприятия.

– Может, радости?

– Что?

Виддер только что говорил о радости. Конечно, он говорил не о той радости, о которой говорит Антон. А о какой радости говорит Антон и с какой такой радости, собственно, он о ней говорит? Откуда он всегда знает, что говорят Ивану, ладно уж – о чём Иван думает. Впрочем, «радость» – довольно распространённое слово, просто у него паранойя на фоне всех этих секретных институтов и проектов не пойми про что.

– Что тобой трактуется как расстройства восприятия, для неё может быть радостями восприятия. Шутка, построенная на простых контекстных антонимах, чего всполошился?! – С удивлением посмотрел Антон на Ивана. – Расстройства – они бывают не только психики. Или восприятия. Ещё бывают расстройства в смысле огорчения. Соответственно, радость...

– Я понял. Антоним.

– Звучит практически как Антон. Антон им. Антон им всем! Понял да?!

Оба расхохотались.

– Ты никогда не задумывался, почему тебя зовут Иван, а меня Антон?

– Два сироты будут искать смыслы в своих именах? Случайно данных им неизвестно кем?

– Не скажи! Не твой ли любимый учитель любит утверждать, что существует бесчисленное множество тесно взаимосвязанных подсистем в рамках единой?

– Ты-то откуда об этом знаешь?

– Ты сам постоянно об этом болтаешь. Было время, когда вся твоя речь представляла собой сплошной набор цитат из Его Светлости Виддера. Или даже Его Преосвященства! Слушай! – Антон замолчал, будто озарённый догадкой. – А тебе никогда не казалось, что твой Виддер хочется докопаться до бога?

– В смысле – до замысла мироздания?

– Называй, как угодно. В данном случае бога и мироздание можно считать контекстными синонимами. И в случае таковых устремлений Виддера – ему самое место в психиатрической лечебнице с милейшим из психиатрических диагнозов – шизофрения.

– Пока копает и выдвигает гипотезы – нет. А вот когда и если докопается до доказательств и представит их публике – тогда да!

Иван улыбнулся. Слишком уж как-то романтически. Антон сразу понял, что улыбка эта не относилась ни к его шутке, ни к трёпу о Виддере. Это была мечтательная, полная надежд улыбка.

– Так что Елена? Вчера и сегодня? – как можно равнодушной уточнил Антон, чтобы не спугнуть товарища.

– Вчера она приняла ванну. Первым делом хотела принять ванну. После ещё долго стояла под душем. Говорила, что чувствует себя очень...

Иван запнулся.

– Грязной? – подсказал Иван.

– Нет, дурак! Я только сейчас попытался осмыслить слово, которое она употребила. Она сказала, что чувствует себя очень изменённой. Структурно изменённой. Много девушек тебе говорили, что чувствуют себя структурно изменёнными? И что вернуть структуру помогает вода?

– Моим девушкам вода помогает только отмыться, или бороться с похмельным обезвоживанием, – грустно усмехнулся Антон, немного позавидовав увлечённости Ивана. Именно увлечённости, а не такой необыкновенной девушке. Девушки у Антона случались самые разнообразные, а среди разнообразных – и странные, и умные. И «и», и «или».

– Ты не слишком уважаешь женщин!

– Не слишком, – подтвердил Антон. – Но уважаю. Что потом? После того, как она... вернула изменённую структуру?

– Потом ела, ела, ела. Будто беглая с каторги. Затем выпила два бокала вина – и уснула. Это было так по-домашнему. Она была в моей пижаме. Я на руках отнёс её в спальню.

– И?! – Плотоядно-нетерпеливо поинтересовался Антон.

– Укрыл её одеялом. А утром... она не узнала меня и сбежала!

– У тебя, конечно, стандартная незапоминающаяся внешность. Но я не думал, что настолько! – Расхохотался Антон.

– Нормальная у меня внешность! Соседка вообще говорит, что я красив.

– Это Евгения Владимировна-то? Да у неё уже старческая эротомания. Хорошо хоть Франт кастрирован. Не то бы я и за него опасался.

– Тьфу на тебя! Евгения Владимировна – одна из образованнейших и остроумнейших женщин, каких я знаю!

– Ты не так много женщин знаешь. К тому же образование и острый ум вовсе не помеха эротомании. Особенно старческой!

Желая соскочить с очевидно неджентльменской темы, Иван решил огорошить Антона:

– Проект «Платон» будет заниматься серийными маньяками.

Антон не стал разочаровывать друга, хотя и понял его простенький манёвр. И, присвистнув, сделал большие глаза:

– Васильева убил серийный маньяк?

– Вероятно, я должен и это выяснить.

– Кстати, уверен, Виддер поручил тебе набрать штат.

Салютовав другу чашкой кофе, Иван с лёгким торжеством – ему иногда тоже хотелось уколоть друга в отместку за его вечные подколки, – объявил:

– Профильное образование. Учёная степень.

Антон презрительно хмыкнул.

– Сложной структуре ментальных актов должен соответствовать не менее сложный физиологический базис. А ваш шаблонный картографический подход чрезмерно упрощает картину реальных процессов. Для меня мир – поток. Для вас – всего лишь отдельные молекулы воды под микроскопом. Я сразу вижу всё: и океаны-моря, и реки-озёра, и дожди и лужи. Я такой же, как Виддер! В том смысле, что мы оба с ним понимаем важность Системы. Только то, что он пытается постичь, то, что он называет Системой – мне ясно. В отличие от тебя.

– Ты не подходишь!

Антон подошёл к другу, похлопал его по плечу.

– Надеюсь, тебе хотя бы стыдно. Я пошёл. Спасибо за кофе. Которое я сам и сварил.

Он направился к дверям лифта. Обернувшись, кивнул на папку:

– Тут всё дело в работе.

– Очень нешаблонно! – Съехидничал Иван. – Я и сам догадался, Шерлок!

– ВСЁ дело в работе. Вокруг пятизвёздочного дурдома всё ковалентно модифицировано. Всё очень просто. Как в генах. Настолько просто, что никто до сих пор не расшифровал.

Антон кивнул на монитор на столе Ивана. Иван подошёл. Надо же! Даже заставка монитора была его любимая: вращающаяся вокруг оси двойная спираль ДНК. Виддер и это предусмотрел. Насколько холодным и жёстким он ни хотел бы казаться – детали его выдавали. Постер с гиппокампом, заставка с двойной спиралью. Ковалентные связи. Ковалентные, взаимосвязанные, нерушимые. Образующие целый мир. Хлипкий только на первый взгляд.

Он очень хотел полюбоваться и даже понасмешничать – в меру, конечно же, – как Антон будет стоять в лифте, который не закроется и не пойдёт без ключа. Но когда Иван поднял голову – Антона уже не было. Двери были закрыты. Здесь всё бесшумно.

Не стоит тешить себя возможностью посмеяться над хлипкими частностями того, кто способен проникнуть в нерушимое казалось бы целое.

Действительно, разве могла случиться с Антоном глупая случайная ситуация в лифте учреждения, проникнуть в которое случайно невозможно в принципе?!

И есть ли случайности в системе?

Глава третья

Работа так работа.

Первым делом Иван отправился в клинику Васильева.

С самого подъезда на больницу ничего не намекало. Скорее на парк-отель. Шлагбаум и домик охраны. Слава богу, хоть здесь никакой конспирации. Для одного дня достаточно. Ничего подземного. Всё на виду. Главный корпус опять же не давал ни малейшего повода подозревать его в причастности к лечебному учреждению. Стройная ухоженная администратор за стойкой в холле.

– Здравствуйте. Я к господину Митрофанову.

– Вам назначено?

– Ему должны были позвонить насчёт моего визита. Иван Алексеевич Ефремов.

Ивана распирало показать ей свои красные корочки, но это выглядело бы странно. Никаких особенных грифов. Только фотография Ивана, фамилия-имя-отчество. И печать Института. Да, просто Институт и всё тут. Возможно, это была какая-то супер-пупер бумага с супер-пупер водяными знаками. Но показывать такие корочки на стойке в заведении, где привыкли к людям с разнообразного рода нарушениями и расстройствами ментальных функций – нелепо. Разве что улыбнутся в ответ. По любому примут за гипотетического пациента. А если ещё значительно добавить: «Я сотрудник секретного Института и руководитель лаборатории Проекта “Платон”» – то сразу из гипотетического превратишься в пациента реального. Хотя Антон непременно подsunул бы красные корочки под нос первому встречному и представился бы кем-то вызывающе нелепым. Чтобы проверить, не психобумага ли это!

Иван встряхнулся. Вон из моей головы, Антон, вместе со своим Доктором Кто!

– Михаил Александрович сейчас выйдет.

Спустя минуту в холле появился высокий фактурный крепкий мужчина под шестьдесят. Улыбаясь, он подошёл к Ивану и протянул руку:

– Митрофанов. Михаил Александрович. Рад познакомиться и оказать посильное содействие!

У него были прозрачные, светло-голубые глаза, которые обыкновенно делают лицо холодным и неприязненным, но не в случае Митрофанова. Они гармонировали с его седой шевелюрой бобриком, а лучи морщин сразу располагали. Собственно, он психиатр. Расположить к себе – его профессиональный навык.

– Ефремов. Иван Алексеевич.

– Пройдёмся, молодой человек? Сейчас и у большинства пациентов время прогулки. Заодно и за ними понаблюдаю, не вызывая лишней фиксации на моей персоне. Территория у нас ухоженная. Пруды, тенистые аллеи знаете ли. Есть где со вкусом посидеть и покалякать о делах наших скорбных.

Ивану показался странным столь мажорный настрой, несколько даже скоморошеский. Всё-таки убит главный врач. А его непосредственный заместитель, правая рука, начмед по

лечебной работе, не считает нужным даже продемонстрировать хоть толику скорби. Которой, похоже, и не испытывает. Или именно такой реакции он и добивался? Посмотрим.

Территория действительно заслуживала самых искренних похвал. И никто из прогуливающихся не напоминал пациентов неврологической или психиатрической клиники. Скорее, если уж напрячь воображение, зная, что ты находишься в лечебном учреждении – можно было предположить, что здесь проходят реабилитацию после спортивных травм. У иных рука была упакована в лонгету весёленькой расцветки. У кого – нога. У некоторых – и рука и нога.

– Вы применяете метод ограничения и принудительного использования! – Воскликнул Иван радостным мальчишкой, поначалу забыв, зачем он здесь.

– Тише, тише, молодой человек! – заговорщиком подмигнул Ивану Митрофанов. – Мы предпочитаем использовать словосочетания «революционная методика», «современный подход» и так далее. Хотя это полная чепуха. Учитывая, что расцвет метода ограничения и принудительного использования пришёлся на шестидесятые годы двадцатого столетия. И не очень одобряется добрыми конформистами. Точнее сказать: добренькими обывателями, ожесточившимися в своей жалости до предела безмозглости.

Ивана несколько смутила безапелляционная формулировка Митрофанова, но он решил не придавать особого значения. Виддер тоже весьма резок в словах. Но Виддер и не работает непосредственно с пациентами. Иван соорудил понимающее лицо, – мимикрия! – и охотно согласился с сутью:

– Ага. Довольно зверски выглядит со стороны для непосвящённого. У человека, перенесшего инсульт, и едва-едва восстановившегося, ограничивают подвижность действующих конечностей и заставляют через муки и раздражение использовать больные.

– Не больные, а выключенные. Если вовремя применить метод ограничения и принудительного использования – то вовсе ещё не больные. Атрофия мышц появляется именно в результате неиспользования. Вы же знаете, что после, скажем так, стандартной обширности инсульта, карта мозга повреждённой конечности сокращается примерно вдвое. Но не исчезает же! И оставшиеся нейроны вполне можно «прокачать». Или, как сказал бы ваш учитель: следует подвергнуть неудобству, дабы создать возможность радости. Вербальные формулировки разные, невербальный смысл – один. Да, использование повреждённой конечности требует больших усилий, тех самых неудобств. Вплоть до боли. И пациент никогда не воспользуется повреждённой рукой или ногой, пока есть возможность пользоваться здоровой. Поэтому как это ни парадоксально выглядит для добрейших профанов – именно ограничение здоровой конечности может заставить работать «больную», но пока ещё тоже здоровую. Пока не запустились процессы самой настоящей органической атрофии. Мы, и всё в нас, заболевает большей частью от бездействия. От изнеженности.

– И огромное количество импульсов, поступающее в проекционные представительства в мозге, и ему самому не позволяют атрофироваться!

– Именно! Напротив. После проведения курса терапии принудительным использованием размер карты мозга, управляющей движениями конечности повреждённой стороны, увеличиваются порой больше, чем в два раза. То есть не просто восстанавливаются полностью, но ещё и увеличивают количество активных нейронов.

– Но эти методики запрещены!

– Потому мы и называем их революционными. И честно всё рассказываем своим клиентам и их родственникам. Вы знаете, состоятельные люди, люди с развитым интеллектом, охотней соглашались с усилиями и болью. Только усилия и боль приводят к результатам. Впрочем, зачем я это вам говорю – вы и сами всё знаете. Даже стройная фигура у женщин и мускулистая

у мужчин – ныне стали статусными. Ибо чаще всего – результат строгой системы ограничений и принудительного использования.

Митрофанов шутливо продемонстрировал Ивану свой вполне пристойный бицепс.

– И вы же понимаете, Иван Алексеевич, я бы куда охотней полежал на диване у телевизора, чем перевозмогал себя в зале со штангой. Как они, – он с презрением кивнул куда-то в сторону, очень похоже на Виддера, кивавшего в «окно», – любят говорить: «в моём немолодом уже возрасте!». Всё хорошее в этой жизни достигается ограничением и принудительным использованием. И эти методы – лишь малая часть того, чем мы занимаемся в нашей клинике. Но я так понимаю, вы здесь не за тем, чтобы поговорить о том, что нам обоим, как докторам соответствующих наук, хорошо известно.

По тенистой аллее они подошли к скамье у пруда. Митрофанов жестом пригласил Ивана присесть. Иван опомнился. Он здесь действительно не за этим. Но всё-таки, очень хотелось поговорить на темы из сферы его научных интересов. И теперь уже и личных. Потому что у Елены...

– Я знаю, что ещё вы занимаетесь дефицитами нормы, разного рода нарушениями восприятия и синтеза, и...

– И даже откровенными сумасшедшими в самом клиническом смысле слова, – перебил, улыбнувшись начмед. – Вы не хуже меня знаете, Иван Алексеевич, как минимум в теории, – что в условиях дефицита нормы начинается область великих удивлений. Того, что люди называют чудесами. Но есть лишь *одно* великое чудо и нет никаких *чудес* во множественном числе.

Заметив удивлённый взгляд Ивана, Митрофанов слегка снисходительно улыбнулся.

– Да-да, как и ваш учитель, я поклонник системного подхода. Всё есть – одно. Наука. Любовь. Что угодно и со сколь угодно видимостью множества связанное – суть одно.

– Вы верующий?

– А кто сейчас не верующий? Я бы, Иван Алексеевич, сейчас рассмеялся. Но боюсь ненароком оскорбить ваши религиозные чувства. В том случае, если верующий – вы.

– Я верю в науку.

– Моя вера в науку никоим образом не противоречит вере в бога. И как верующий верующему, – мы же с вами уже выяснили, что каждый из нас во что-то верит, – я вам так скажу: Богу незачем творить чудеса. Он не фокусник. Но возвращаясь к теме дефицитов. Неординарная личность всегда в чём-то недостаточна. Но! – благодаря какому-то из недостатков, – она всегда же избыточна! Чувствуете? Мы опять возвращаемся к системному подходу, но уже с точки зрения сохранения равновесия. Тем или иным способом. Гомеостаз – тоже, в свою очередь, понятие системное. И, возможно, на таком уровне, до которого нам никогда не добраться. Возможно, не стоит даже и начинать.

Митрофанов снова подмигнул Ивану, на сей раз довольно дурашливо, будто обнуляя клоунаду. И серьёзно сказал:

– Давайте вернёмся к теме вашего визита.

Иван несколько замялся. И решил действовать, исходя из первого своего побудительного импульса. Как правило, первые – они самые верные. К тому же – а чего стесняться? В таком-то заведении!

– Вы совсем не расстроены смертью главврача? – выпалил он, глядя на Митрофанова. И тут же почувствовал, что краснеет и опустил взгляд.

– Иван Алексеевич, я не могу быть ни расстроен, ни обрадован. Вероятно, вы не в курсе. Это необходимо для, так сказать, чистоты восприятия: я – психопат. Иначе был бы лишён возможности творить невозможное. Невозможное в рамках текущих гуманистических установок. Метод ограничения и принудительного использования – метод психопата. Для которого не существует ни добра, ни зла, ибо зачастую эти категории слишком, простите за кажущуюся иронию, пластичны. И зависят, в том числе, от модных тенденции эпохи. Для психопата существует лишь результат. Я лечу этих людей не потому, что люблю их. И уж точно не потому, что верю в них, жалею, испытываю сострадание и тому подобное.

Митрофанов обернулся и кивнул на довольно молодую женщину, здоровая рука которой была плотно фиксирована, а больной, дрожащей, плохо двигающей спастической конечностью, она пыталась не промахнуться ложкой мимо рта. Она вся была измазана йогуртом, баночка которого стояла рядом с ней на скамейке. Женщина зло плакала от бессилия, и унижения.

– Да-да, Иван Алексеевич. Именно так. Ей горько, больно и обидно. И мы, как ни крути, её унижаем. А вон тот молодой человек, совершенно цивилизованного вида, – он кивнул на крепкого парня в джинсах и футболке, – приставленный к ней врач. Но он не придёт к ней на помощь. Хотя ему больно на неё смотреть. Он ещё молод, ещё не закалился, но в нём есть потенциал. Он способен сдерживать эмоции ради результата. Девушка хочет есть. Она у нас уже неделю. И, поверьте, она очень хочет есть. Но круче голода, страшнее горечи, боли и обиды, – если их ещё, конечно же, можно преодолеть, а в её случае это именно так, – может быть только ярость. Смотрите, смотрите!

В глазах Митрофанова загорелся азарт учёного. Очень хорошо известный Ивану азарт. Молодая женщина, замурзанная йогуртом, плохо двигающейся рукой кое-как схватила баночку и постаралась метнуть ею в своего «надзирателя». У неё ничего не вышло. Баночка йогурта попросту выскользнула из её рук.

Митрофанов посмотрел на Ивана сущим триумфатором.

– При поступлении неделю назад рука абсолютно не двигалась, была лишена рефлексов. Нейроны в соответствующей зоне были разрушены обширным кровоизлиянием. Но всего неделя ограничения здоровой руки и принуждения к использованию больной – и вот уже к ней вернулся хватательный рефлекс. Мозг проложил новый нейронный путь. Он жаждет жить. И мыслить. Иначе как в теле – это невозможно. Тело надо накормить. Мозг сотворяет импульс. Вынужден сотворять.

Митрофанов повернулся к пруду, у которого они сидели, и удовлетворённо посмотрел на зеркальную поверхность, по которой скользили водомерки.

– Любящий её человек, воспитанный в современном представлении о добре, кормил бы эту даму с ложечки до конца её жизни. И менял бы ей памперсы до конца её дней. Или его. У меня же, психопата, не испытывающего по отношению к ней никаких эмоций, через месяц она будет обслуживать себя совершенно самостоятельно. Через полгода максимум – вернётся

к своей профессии. Потому что мне на неё наплевать. Она не вызывает у меня ровно никаких чувств. Как и смерть Васильева. Потому я посчитал излишним имитировать чтобы то ни было перед учеником Создателя.

– Кого?! – Опешил Иван.

– Я однокашник вашего многоуважаемого патрона. Мы учились с Ильёй Виддером на одном курсе. В одной группе. Его студенческая кличка: Создатель. Скромно и со вкусом.

– Буду знать, – пробормотал Иван. Удивлённый не то прозвищем Виддера, не то тем, что Митрофанов – психопат и говорит об этом совершенно открыто. Не то всем вместе, включая весь сегодняшний день. И вчерашний вечер до кучи. У него не было времени всё это осмыслить.

– Однако вы, Михаил Александрович, отлично имитируете вежливость, сарказм, снисходительность и всё, что как нынче принято говорить, *must have*.

– Вежливость не чувство, но социальный навык. – Спокойно ответил Митрофанов. – Сарказм и снисходительность – навыки ментальные. Нет ничего такого, чего бы толковый психопат не смог бы симитировать, чему бы не мог обучиться. Повторюсь: психопат нацелен на результат.

– Тогда я перестану мямлить, – набрался храбрости Иван, – и задам вам прямой вопрос: вы имеете отношение к смерти Васильева?

Митрофанов посмотрел на Ивана. Прямо и открыто. И откровенно. Казалось, его светло-голубые глаза цвета размытых небес стали ещё светлее, совсем стальными, но при этом не были ни холодными, ни колючими. Он зачем-то повторил вопрос, будто уточняя ещё раз параметр перед началом исследования:

– К смерти?

Иван кивнул. Митрофанов ещё немного посмотрев Ивану в глаза – отчего последнему стало немного жутковато, – ответил просто, без малейших эмоций:

– Нисколько.

И вернулся к созерцанию зеркальной глади пруда.

Иван постарался выдохнуть как можно незаметней. Но, кажется, всё равно вышел вздох облегчения. Ему почему-то очень не хотелось, чтобы Митрофанов имел хоть какое-то отношение к смерти Васильева. Потому что он ему очень понравился. Хорошим добрым людям вроде Ивана Алексеевича, – а он себя считал хорошим и добрым человеком, – не по душе, когда симпатичные им люди внезапно оказываются, например, убийцами. Ладно ещё – психопатами. Это можно пережить. Поэтому Иван на вздохе облегчения ещё и пошутил. Немного коряво, как ему показалось. Но иногда человек успевает пошутить куда быстрее, чем задуматься. Тоже ещё один заслуживающий более глубокого изучения, посреди остального «всего», феномен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.